

УДК 93/94+355/359

ШАФИ АЛМАС – ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

И.А. Гилязов, доктор исторических наук, профессор

Как и многим татарским эмигрантам XX в., этому человеку «не повезло». После того, как он оказался вовлеченным в бурные события периода Второй мировой войны, да еще оказался на стороне нацистской Германии, на нем надолго остался ярлык «предателя», «изменника» и т.п. И по сей день в публицистике можно встретить такую же оценку его личности и деятельности, будто бы ничего и не изменилось в нашем восприятии с советских времен... Однако имеющийся в нашем распоряжении исторический материал (к сожалению, очень неполный, с массой пробелов) позволяет сегодня несколько иначе оценить место и роль этого человека в политической истории татарского народа. Оговорюсь сразу же, что речь не идет о тотальной ревизии, о волшебном превращении черного в белое. В данной статье мы попытаемся максимально непредвзято поговорить о Шафи Алмаса, лидере татарского национального движения в Германии в годы войны.

Сведения об этой личности очень приблизительны и нуждаются в дополнении¹.

Шафи Алмас (настоящее имя Габдрахман Гибадуллович Галиуллин, в публицистике его фамилию чаще называют как Шафиев) родился в 1885 г. в Дубьязском районе Татарстана. Псевдоним Шафи Алмас был им взят по имени своего прадеда Шафи. Он занимался торговлей, имел магазины в Москве, Казани, Оренбурге. В годы гражданской войны эмигрировал в Турцию, получил турецкое поддан-

ство, в 1920-е гг. даже поработал короткое время сотрудником турецкого посольства в Москве. С 1928 г. он проживал в Германии, имел в Берлине недвижимость, и политикой по большому счету не занимался вообще. В современной исторической литературе можно встретить не слишком внятные данные о том, что, возможно, в 1930-е гг. Шафи Алмас был завербован советской разведкой и снабжал ее сведениями о представителях тюркской эмиграции в Европе².

После начала войны он начал привлекаться немецкой стороной к конкретным пропагандистским мероприятиям, прежде всего к радиопропаганде: 1 декабря 1941 г. он вместе с А.Темиром упоминался в одной из справок Германского международного радио (общество «Интеррадио»), которое курировалось МИД и министерством пропаганды, как один из «подготовленных кадров»³. Особо отмечалось, что оба названных эмигранта могли бы быть использованы при подготовке текстов пропагандистских листовок.

Кроме того, на протяжении 1942 г. Ш.Алмас многократно посещал лагеря для военнопленных, выступал перед ними с речами и подбирал кандидатуры для возможного сотрудничества⁴.

Вероятно, уже тогда он и включился в борьбу за лидерство в татарской общине. 1 ноября 1942 г. При Восточном министерстве было создано так называемое Татарское посредничество, в котором Шафи Алмас фактически выполнял роль второго руководителя⁵.

Можно полагать, что параллельно в том же 1942 г. в Германии происходило становление органа политического руководства татарской эмиграции – комитета «Идель-Урал», возглавляемого в первое время ученым тюркологом Ахметом Темиром. И здесь среди организаторов мы видим Шафи Алмаса⁶.

Официально судьба национальных комитетов начала очень серьезно обсуждаться в Германии лишь во второй половине 1943 г. 30 сентября и 6 октября 1943 г. два совещания с этим вопросом были проведены в Восточном министерстве. Для немецкой стороны главным при этом становился личностный фактор: на обоих совещаниях обсуждались конкретные кандидатуры, которые могли бы вести работу как руководители национальных комитетов и которые состояли бы в тесном контакте с министерством и вермахтом⁷. Для поволжских татар тогда на первый план выступил Шафи Алмас. И уже тогда профессор Герхард фон Менде, отвечавший в Восточном министерстве за решение всех подобных вопросов, отмечал, что, «согласно общему мнению, Шафи не имеет необходимых качеств, чтобы быть представителем и руководителем своих соплеменников», сетуя на отсутствие среди татар подходящей кандидатуры для руководства комитетом. Этот вопрос неоднократно поднимался до конца войны, но немцы все же были вынуждены остановиться на Шафи Алмасае.

Судя по одному из послевоенных свидетельств, его спорная кандидатура все же устроила немецкую сторону⁸. Г. фон Менде советовался с некоторыми татарскими эмигрантами, которые когда-то учились или работали в Берлине, но после прихода к власти нацистов уехали в Турцию – профессором Рахмати Аратом и инженером Фуадом Казаком (Шафи Алмас был женат на сестре Фуада Казака – Амине, а отцом Фуада и Амины, кстати, был известный деятель джадидизма и предприниматель Абдулхамид Казаков). После длительных консультаций, по словам

Г. фон Менде, «поскольку никого другого не было», остановились на кандидатуре Ш.Алмаса. В его пользу говорило и следующее: «Он хорошо говорил по-немецки и не выказывал никакого недовольства и рассерженности по отношению к своим прибывшим в Германию землякам (вспомним А.Идриси! – И.Г.). Он также оказывал полную и всестороннюю поддержку таким честолюбивым молодым людям, как Султан, чего никогда не сделал бы другой стремящийся к власти руководитель». По данным П. фон цур Мюлена, поддержку «флегматичному, неактивному» Шафи Алмасу, которым было легко манипулировать и который «предпочитал алкоголь политике», оказал и туркестанский руководитель Вели Каюм-хан, не желавший видеть во главе татарского представительства человека с сильным характером, способного вмешиваться во внутренние дела Туркестанского комитета⁹.

Шафи Алмас в роли лидера поволжско-приуральских татар практически на протяжении всей войны вызывал неприятие со стороны многих германских чиновников. Например, очень неприязненно отзывался о нем 15 сентября 1944 г. Райнер Ольша, отвечавший в Главном управлении СС за работу с тюрко-мусульманскими народами: его личность представлялась ээсовскому функционеру «исключительно спорной». Он называл его не иначе как «малоактивным интриганом и самолюбом, который отвергает все устремления к интенсификации работы с поволжскими татарами, если они не совпадают с его собственными представлениями». Ольша замечал, что сотрудники Шафи Алмаса очень недовольны «своим президентом, упрекая его в том, что он практически завалил всю национальную работу». По этому поводу Главное управление СС провело консультации и с шефом Татарского посредничества при Восточном министерстве Хайнцем Унглаубе, который заявил Р.Ольше, что Шафи Алмас стал руководителем «Союза борьбы тюрко-татар Идель-

Урала» только в силу острой необходимости («необходимого зла» – по выражению Унглаубе). Унглаубе обратил внимание Ольши на то, что в окружении Ш.Алмаса есть активные и способные сотрудники, которые «прекрасно могут быть использованы для работы, даже если они не устраивают самого президента»¹⁰.

В течение 1944 г. неоднократно поднимался вопрос о замене Шафи Алмаса на посту руководителя «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала». Особенно активно этот вопрос начал обсуждаться, когда начались мероприятия по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС. В начале октября 1944 г. по договоренности между Восточным министерством и Главным управлением СС в «Союзе» должны были быть проведены перестановки: вместо Ш.Алмаса предлагалась кандидатура бывшего советского майора Гафара Ямалиева, который по плану должен был быть переведен в СС и получить чин штурмбанфюрера. Главное управление СС видело в нем даже возможного руководителя Татарского посредничества¹¹.

29 сентября 1944 г. в беседе между профессором фон Менде, Ф.Арльтом и Р.Ольшей было высказано беспокойство по поводу ситуации с комитетом поволжских татар: «Комитет Идель-Урал должен активизироваться через особенно интенсивную работу». При чем личность «шефа татарского Союза борьбы» вызывала заметные нарекания со стороны германских чиновников¹².

7 октября Л.Стамати в телефонном разговоре с Р.Ольшей заметил, что «случай с Ямалиевым срочный», а татарский комитет «необходимо срочно оживлять»¹³. 12 октября на очередном совместном заседании у фон Менде в Восточном министерстве его участники обсуждали состав татарского комитета и договорились, что будущим руководителем комитета станет майор Ямалиев¹⁴. Подобная активность немецкой стороны явно насторожила Шафи Алмаса, который не желал ус-

тупать. 17 октября 1944 г. он направил подробное письмо на имя фон Менде, в котором отчетливо прослеживается стремление придать себе более значительный политический вес¹⁵.

Письмо это напыщенно адресовано «В Германское имперское правительство», хотя фон Менде в правительстве не работал, и это было прекрасно известно и Шафи Алмасу. Но ситуация требовала, и патетический стиль письма поражает воображение. «Мы, идель-уральские тюрки, десятилетиями боремся за независимость, и на протяжении этого времени мы принесли много жертв. Московиты использовали все средства, чтобы покорить нас морально и духовно, разрушить наше национальное чувство. Татарский народ включился в борьбу, и ему до настоящего времени удалось защищать свои национальные идеи. Цель этой борьбы – освобождение страны и достижение независимости Идель-Урала», – так начинается обращение Шафи Алмаса. Постоянно автор подчеркивает свои «заслуги» в освободительной борьбе татарского народа и стремление его опираться в этой борьбе на поддержку Германии: «Я уже долгие годы живу в Германии, работаю и борюсь за освобождение моей страны, подарив все свое доверие Германии. Я стремился укрепить отношения Идель-Урала с Германией. Когда началась германо-русская война, бесчисленные мои земляки оказались в Германии. Я был в лагерях для военнопленных, говорил со своими земляками, давал им мужество и надежду, рассказывал им о новой Германии. Все мои земляки заявляли о готовности стать солдатами, чтобы бороться за освобождение своей страны» – так видел Ш.Алмас свою роль в установлении связей татар с Германией. Он очень хотел, чтобы полномочия и возможности комитета стали еще более широкими, но только под его собственным руководством: «По всем идель-уральским делам я прошу связываться только со мной, поскольку я избран ответственным

руководителем 3 марта 1944 г. на конференции в Грайфсвальде», – завершил свое обращение Шафи Алмас.

Вряд ли это письмо нашло сколь-либо серьезный отклик среди германского руководства, личность Шафи Алмаса была ему достаточно хорошо знакома. Тем не менее намеченной и уже, казалось, обговоренной смены руководства «Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала» не произошло – Шафи Алмас продолжал исполнять эти функции до января 1945 г., когда он, будто вспомнив свое турецкое гражданство, бежал из Германии в Турцию, оставив политические амбиции, которые в условиях военного краха «третьего рейха» начали представлять для него серьезную опасность¹⁶. После него татарский национальный комитет остался без формального руководителя. Большинство документов от имени «Союза борьбы» в последние месяцы войны подписывалось уже руководителем Татарского посредничества графом Л.Стамати. Безрезультатные дискуссии вокруг личности Шафи Алмаса, фактическое «обезглавление» национального комитета в последние месяцы войны – это яркое свидетельство того, что среди татар, находившихся на стороне Германии в годы Второй мировой войны, не было реального авторитетного лидера, способного объединить всех соплеменников и повести их за собой.

Хотя германское руководство постоянно выражало свое недовольство татарским национальным представительством, комитет и под руководством А.Темира, и под «президентством» Ш.Алмаса, бесспорно, провел определенную работу. Комитет под руководством Шафи Алмаса, по его собственному свидетельству, по-видимому, сложился в конце 1943 – начале 1944 г.¹⁷. Полный состав его президиума в одном из недатированных документов (вероятно, документ относится к началу 1945 г.¹⁸, так как упоминаемый в списке капитан Вафин еще в конце октября 1944 г. работал в штабе гене-

рала Власова) был следующим (сохраняю всю терминологию документа):

Шафи Алмас – президент; Салих Файзуллин – заместитель президента; Гариф Султан – организационный руководитель; Кашапов – старший лейтенант; Вафин – капитан, адъютант при штабе связи генерала добровольческих соединений и руководитель военного отдела Союза борьбы в отношениях с вермахтом; Иван Скобелев – чуваш, руководитель отделения немусульманских народов Идель-Урала; Шакир Алкаев – полковник; Галим Айдагулов – редактор литературного журнала, ответственный за культурные вопросы; Ишмаев – руководитель газеты «Идель-Урал»; Исламгулов – сотрудник редакции; Гунафин – руководитель лагерей в Даргибеле и в Беверунгене¹⁹. Изменения по сравнению с составом «комитета» под руководством А.Темира, как видим, серьезные. Понятно, что приведенным списком количество членов «Союза борьбы» не ограничивалось – в его подразделениях-отделах были заняты десятки сотрудников. Точное их число на данный момент установить невозможно.

Национальные комитеты, в том числе и татарский, не только были созданы при посредничествах, но и находились под их контролем²⁰. Фактически работа в комитетах считалась работой на общественных началах – национальные представительства не являлись юридически признанными учреждениями и потому не могли иметь официального персонала, сотрудники комитетов не получали заработной платы, а числились за теми инстанциями, из которых они и приходили в комитеты: вермахт, Восточное министерство, СС и пр. Функции комитетов были довольно широкими, но главной их задачей считалось осуществление как можно более тесного контакта представителей советских восточных народов с немецкими военными и гражданскими учреждениями (недаром они на первой стадии их создания получили наименование «связующих штабов»). По

данным П. фон цур Мюлена, исходя из этой задачи комитеты состояли как минимум из трех отделов: политического (в его ведении политические контакты, организационные вопросы и финансы), военного (контакты с вермахтом и с соответствующими Восточными легионами, подготовка офицерских кадров, военная переподготовка) и отдела пропаганды, прессы и общественной работы. Судя по составу татарского представительства, очевидно, его подразделение на отделы было несколько более разветвленным, но в принципе подходило под указанную схему.

К сожалению, не сохранилось многих документов, связанных с деятельностью татарского комитета. Некоторые показатели его активности в военной области уже упоминались, когда речь шла о Восточных легионах. Представители комитета принимали участие в комиссиях по работе в лагерях военнопленных, выступали с лекциями, призывая своих соплеменников вступать в легион, составляли списки для Татарского посредничества, делали предложения по военной реорганизации легионов (вспомним хотя бы фантастический проект создания идель-уральской дивизии, созданный как раз от имени татарского представительства). Объемную работу проводили члены комитета в сфере социальной, а также в деле пропаганды, издания газет и журналов, о чем еще пойдет речь ниже.

Во всей работе татарского представительства Волго-татарскому легиону уделялось, понятно, особое внимание. Одним из красноречивых свидетельств такого внимания является открытое письмо Шафи Алмаса легионерам, опубликованное в газете «Идель-Урал» от 29 августа 1943 г., которое вполне можно считать одним из важных программных политических документов «Союза борьбы». Момент для такого обращения был выбран не случайно, так как внутренняя обстановка в легионе, вероятно, в то время сложилась довольно напряженной – в

середине августа 1943 г. были проведены аресты участников подпольной группы Мусы Джалиля. Шафи Алмас по-своему стремился внести ясность в ситуацию и поднять дух своих соплеменников. При этом в своем обращении он отвечал на три вопроса, которые, по его мнению, представляли особую актуальность:

1. Почему мы боремся не вместе с русскими, а отдельно, своим легионом, хотя у нас и есть общая цель – уничтожение большевизма?

2. Почему мы говорим не Татарстан, а Идель-Урал?

3. Какой должна быть форма государственности Идель-Урала?

Ответы Шафи Алмаса на поставленные вопросы очень ясно представляют его политические позиции. Он заявил: «Мы боремся не только за уничтожение большевизма, а и за уничтожение основ русского империализма. Понятие «Великороссия» исторически не так уж старо – оно появилось после подчинения русской монархии многочисленных народов Востока». Шафи Алмас привел в своем письме различные исторические факты для подтверждения своей основной мысли: татарское крестьянство в России искусственно отрывалось от земли, намеренно вытеснялось на неплодородные земли, татарские деревни отдалялись от городов, культура сдерживалась, татарское население было территориально раздроблено, подвергалось насильственной христианизации и русификации. Хотя «татарские парни и гибли за русскую монархию», народ оставался подавленным и униженным. По мнению Шафи Алмаса, «никогда никакое русское государство не скажет нам: имейте свою страну, свои богатства, живите свободно и используйте это по своему усмотрению». В его представлении татары, которым «не нужно никаких красивых слов об автономии», должны были использовать сложившуюся ситуацию, так как Германия дала им оружие, чтобы «сражаться за свободу». В этих сражениях «легион как основное

ядро борьбы» должен был бы сыграть особую роль.

Более краток был «вождь» в ответах на второй и третий вопросы: термин «Идель-Урал» применялся для того, чтобы подчеркнуть единство народов Поволжья и Приуралья, поскольку их всех постигла та же историческая участь, что и татар. Государство, которое они вместе будут строить, должно было быть «национальным, отвечающим интересам всех народов, проживающих на его территории». Открытое письмо Шафи Алмаса к legionерам, как и многие другие программные документы «Союза борьбы тюрко-татар», в годы войны представляет из себя своеобразную смесь реальных фактов из истории татарского народа и фальшивых, утопических представлений о его будущем, которое Шафи Алмасу рисовалось в союзе с национал-социалистской Германией.

Известно, что национальные представительства нерусских народов в Германии настороженно отнеслись к созданию Комитета освобождения народов России под руководством генерала А.А.Власова и в ноябре 1944 г. открыто обратились к министру А.Розенбергу с протестом против попытки навязывания «русского руководства» национальными движениями. Понятно, что националистически настроенный Ш.Алмас не мог остаться в стороне – он был среди тех, кто подписал этот протест против инициатив Власова²¹.

Атмосфера в национальных представительствах не всегда была благоприятной. Разность в представлениях и подходах приводила к серьезным внутренним конфликтам, причем масла в огонь добавляла и национальная неоднородность некоторых из них. Это подтверждают конкретные документы. 12 сентября 1944 г. представитель чувашей в «Союзе борьбы тюрко-татар Идель-Урала» Ф.Паймук заявил в беседе в Главном управлении СС: «Отношения в комитете не очень хорошие, почти такие же, как и у туркестанцев,

где во главе встал представитель одного народа. Все это свидетельство политической глупости и тщеславия. А Шафи Алмас больше поддерживает своих соплеменников»²². Очень ярким подтверждением сложной внутренней атмосферы в «Союзе борьбы» является и сообщение Р.Ольши от 15 сентября 1944 г., в котором он делился впечатлениями от встречи с Шафи Алмасом²³. Во время беседы Шафи Алмас назвал своих сотрудников, привлеченных на службу в Главное управление СС, «непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу», что он, по мнению Р.Ольши, «хотел бы сотрудничать с СС только через своих людей» и игнорировал «все более молодые и более активные силы в татарском движении». В другой своей справке, от 15 ноября 1944 г., Р.Ольша вновь убийственно охарактеризовал Шафи Алмаса и его «авторитет»: «Это запойный пьяница, которому резко противостоят все татары»²⁴.

Хотя такие противоречия в документах подтверждаются и встречаются не один раз, ни германские чиновники, ни сами национальные лидеры сора из избы выносить не желали: внешне отношения между всеми национальными представительствами оставались самыми теплыми и дружескими. На съезде Туркестанского комитета в Вене тепло приветствовали своих среднеазиатских «братьев» Шафи Алмас и другие национальные лидеры, на пышных торжествах в Грайфсвальде, конечно же, присутствовали «вожди братских народов», по случаю любой даты все комитеты обменивались поздравлениями и уверениями в «единстве в борьбе против большевизма».

Конфликтные ситуации, возникавшие в реальной жизни, вызывали понятное беспокойство высших немецких инстанций, которые прекрасно понимали пагубные их последствия. Своеобразной попыткой умиротворения потенциальных соперников стала идея, высказанная Г. фон Менде в начале ноября 1944 г.: он предложил объединить

национальные представительства в более крупные политические учреждения – так называемые «национальные советы». Грузинский, Азербайджанский и Армянский комитеты должны были объединиться в Кавказский совет. Как о принятом решении 3 ноября 1944 г. фон Менде писал об объединении Туркестанского, Идель-Уральского и Крымско-татарского комитетов в Восточнотюркский совет²⁵. При этом предлагалось полностью расформировать и создать заново национальные представительства, которые все-таки должны были продолжать свое существование. Шафи Алмас в очередной раз был назван «неподходящей фигурой» в роли руководителя идельуральцев. Сомнению подверглась и кандидатура майора Ямалиева. Лучшей фигурой на посту руководителя татарского комитета фон Менде видел Гарифа Султана, но и он считался слишком молодым для роли лидера. Поэтому, по мнению фон Менде, было целесообразным «принудить председателя Шафи к отставке и избрать новый состав Союза борьбы из активных членов президиума во главе с Ямалиевым. Если же впоследствии удастся найти более подходящую кандидатуру, то Ямалиев может быть заменен другим лицом». Восточнотюркский совет должен был быть составлен из председателей трех национальных комитетов, а председательствовать в нем должен был «представитель сильнейшей группы», значит Вели Каюм-хан, а его заместителем – представитель «второй по силе группы Идель-Урал». Имеющиеся документальные источники, однако, не подтверждают того, что Восточнотюркский совет был создан. Вполне возможно, что обсуждение возможностей объединения в указанные советы должно было быть связано с появлением осенью 1944 г. при поддержке СС так называемого Комитета освобождения народов России. В этой ситуации можно говорить о новых серьезных политических противоречиях как среди германского руководства,

так и среди представителей разных народов.

Шафи Алмас оказывал большое влияние на периодические издания, которые выходили для легиона «Идель-Урал» и всех татарских эмигрантов в Германии. В газете «Идель-Урал» он являлся одним из активных авторов. Он же в качестве главного редактора возглавил и литературно-публицистический журнал «Татар әдәбияты», который начал издаваться с середины 1944 г. Для представления об уровне его публикаций, отличавшихся особым пафосом, и ходе его мысли обратимся только к одной из многочисленных статей из газеты «Идель-Урал», принадлежащей перу Ш.Алмаса. Номер газеты 36(42) от 5 сентября 1943 г. посвящен первой годовщине создания Волго-татарского легиона, и материал Шафи Алмаса озаглавлен «Пламенный привет тюрко-татарским легионерам, поднявшим знамя независимости Идель-Урала». По мнению лидера коллаборационистов, «легион за все время своего существования не уронил чести и достоинства татарского народа, хотя и не принимал активного участия в боевых действиях». Он отмечал, что действия татарских националистов, которым оказывает поддержку «великая Германия», совершенно законны, ибо основаны на решениях меджлиса 1917 г.²⁶. Не смог Шафи Алмас и обойти тему недавних событий в легионе, а именно аресты членов подпольной коммунистической организации: «Некоторые «татаро-русские», продавшиеся большевикам, сгорели в огне настоящего национального чувства, которым горят сердца нашей молодежи – они выброшены, вырваны с корнями из наших рядов». Пытаясь придать больший вес Волго-татарскому легиону, автор статьи заявлял: «Похоже, что большевики уделяют нашему легиону особое внимание и нашей национальной организации, иначе они не послали бы в наши ряды своих довольно важных агентов, среди которых были и личности, более или менее признанные

в мире большевизма, подвизавшиеся на ниве казенной литературы и печати, запачканные большевистской грязью». По мнению Шафи Алмаса, ничего не могло поколебать татаро-германской дружбы, он выразил полную уверенность в «скорой» победе Германии, которая явится общей победой ее союзников.

Таким перед нами предстает Шафи Алмас, личность своеобразная и очень противоречивая. К сожалению, в нашем распоряжении очень мало источников, которые позволили бы более детально рассмотреть его жизненный путь и политическую деятельность. Но из всего вышесказанного, на мой взгляд, можно сделать следующие выводы.

Сегодня для оценки роли и места личности Шафи Алмаса, безусловно, недостаточно красок одного цвета. Ни в коем случае нельзя его представлять как предателя и отщепенца, даже по той простой причине, что он покинул Россию непосредственно после Октябрьской революции, не перешел на сторону немцев в годы Второй мировой войны. К тому же следует учитывать, что в 1920-30-е гг. он практически не занимался политической деятельностью, а был довольно успешным коммерсантом. Участие в политической жизни в годы войны, по всей вероятности, стало и для самого Ш.Алмаса несколько неожиданным и вынужденным. И вряд ли его можно считать крупным идеологом или теоретиком – его публикации и выступления показывают, что

во многом он повторял те положения татарского национального движения, которые были сформулированы еще в 1917–1920 гг. и которые мы можем без сомнения считать демократическими и прогрессивными. Его критические замечания в адрес политики Советского государства 1930-х гг. также во многом звучат справедливо. То, что имеется в нашем распоряжении из публицистического наследия Шафи Алмаса, дает нам основание оценивать его политические и общественные воззрения как вполне демократические (если, конечно, при этом не брать во внимание разнообразные комплименты в адрес национал-социализма и национал-социалистской Германии, обязательные в условиях тоталитарного режима). Еще одно можно поставить в заслугу Ш.Алмаса – он искренне пытался помочь татарам, которые оказались в немецком плену, спасти их жизнь, как-то организовать их политическую и культурную жизнь, помочь материально, и это его искреннее стремление покрывает многие из его недостатков.

И в то же время нельзя забывать, что Ш.Алмас находился на службе преступного режима, верой и правдой служил ему. Он сделал ставку на помощь нацистской Германии в деле обретения татарским народом своей независимости и государственности, хотя, как известно, сама Германия таких планов в отношении восточных народов СССР для обозримого будущего не строила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сожалению, почти нет достоверных биографических сведений о Шафи Алмаса (во всяком случае ни в историографии, ни в архивных документах отыскать их не удалось). В исторической литературе и публицистике, в которой он часто упоминается, ничего подробного о его жизни не сообщается. Можно сослаться только на книгу Ю.Карчевского и Н.Лешкина (*Карчевский Ю., Лешкин Н. Лица и маски.* – Уфа, 1982. – С.46–47), на публикацию Р.Мустафина (*Мустафин Р.А. «Идель-Урал»: взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы – Эхо веков.* – Май 1995. – С.146) и газетную статью Г.Гилязова: *Гыйләҗев Гадел. Шәфи Алмаз: кем син? // Ватаным Татарстан.* – 27 март 1996 ел. В статье Г.Гилязова содержится непонятное противоречие: в начале статьи в качестве настоящей фамилии Шафи Алмаса названа фамилия Гайнуллин, но затем в тексте он неоднократно назван Галиуллиным. Возможно, это

просто редакторская недоработка. Показательно, что в книге Б.Садыковой Шафи Алмас назван азербайджанцем (*Садыкова Б. История туркестанского легиона в документах.* – Алматы, 2002. – С. 62). А вот, по мнению С. Чуева, Шафи Алмас претендовал на роль руководителя Туркестанского национального комитета (источник подобного утверждения неизвестен). С. Чуев пошел еще дальше, отметив, что Шафи Алмас после войны был задержан органами госбезопасности и расстрелян по приговору военного трибунала (*Чуев С. Проклятые солдаты.* – М., 2004. – С. 495, 509). Хотя Шафи Алмас, как известно, после войны вполне благополучно проживал в Турции, где и скончался в 1954 г. Все это – очевидные свидетельства отсутствия достаточной информации об этой личности.

² Например в статье С.М. Исакова отмечается, что Шафи Алмас будто составил по заданию ОГПУ инструкции по работе с эмигрантами, в которых отметил желательность привлечения к сотрудничеству Ахмеда-Заки Валиди (*Исаков С.М. Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории.* – 2003. – № 10.

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA-AA), Pol. XIII, Bd.14, R 105182, N 218941.

⁴ *Cwiklinski, Sebastian. Wolgatataren in Deutschland des Zweiten Weltkriegs: deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus.* Berlin, 2002, S. 40.

⁵ О Татарском посредничестве см. подробнее: *Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха».* – Казань, 2005.

⁶ *Мустафин Р.А. По следам оборванной песни.* – С. 131–133.

⁷ Bundesarchiv-Potsdam, R 6/66, Bl. 123–126.

⁸ Об этом сообщала немецкому историку Патрику фон цур Мюлену Каролин фон Менде (вдова профессора Г. фон Менде) в письме от 10 декабря 1971 г. Копия письма была любезно предоставлена мне П. фон цур Мюленом.

⁹ *von zur Mühlen, Patrik. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg (=Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 5).* Düsseldorf, 1971, S.98.

¹⁰ BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 26.

¹¹ Ibid., Film 2419, A 2696277.

¹² *Садыкова Б. История туркестанского легиона в документах.* – Алматы, 2002. – С. 133.

¹³ BA-Potsdam, Film 2419, A 2696275.

¹⁴ Ibid., NS 31/29, Bl. 68.

¹⁵ BStU-Zentralarchiv, RHE 28–88/SU, Bd. 3, Bl. 121–123.

¹⁶ Шафи Алмас скончался в Турции в 1954 г. (информация любезно предоставлена С. Цвиклински).

¹⁷ Idel-Ural, № 10–11(67/68), 19.03.1944.

¹⁸ По поводу датировки этого документа я согласен с мнением С.Цвиклински: *Cwiklinski, S. Wolgatataren in Deutschland, S. 55.*

¹⁹ BA-Potsdam, NS 31/28, Bl. 1.

²⁰ Подробная характеристика организационной структуры и задач национальных комитетов дана в книге: *von zur Mühlen, P. S.82-104.* Мною во многом использованы эти данные.

²¹ BA-Potsdam, NS 31/28, без указания листа.

²² BA-Potsdam, Film 2418, A 2695716.

²³ Ibid., NS 31/31, Bl.26.

²⁴ Ibid., Film 2418, A 2696519.

²⁵ BStU-Zentralarchiv, RHE 63–88/SU, Bd. 2, Bl. 330–332.

²⁶ В одном из последующих номеров газеты «Идель-Урал» (№ 46(52) от 14 ноября 1943 г., посвященном первой годовщине газеты, Шафи Алмас назвал это печатное издание «не только газетой нескольких политиков, собравшихся в Берлине, а фактическим органом Милли меджлиса 1917–1918 гг., борющейся за его решения».